

Иванов доготовил ужин, поел, после чего выскочил на улицу, сел в Тойоту и поехал на соседнюю улицу.

Он остановился возле большого добротного дома из бруса. На фоне барсуковских халуп этот дом, обнесённый высоким деревянным забором, смотрелся как принцесса среди нищих.

Тут жила одна из немногих непьющих и работающих барсуковских семей. Уступовы разводили овец и держали немного лошадей. Иван постоянно покупал у них баранину, овечий сыр и мясную продукцию из конины.

На стук в калитку вышел хозяин дома. Вечно улыбчивый парень лишь выглядел казахом. Чернобровый, черноволосый, худой и жилистый, с широкими скулами. Он не бухал, был женат на хорошей русской девушке, от которой имел троих детей. На самом деле он уже из второго поколения Уступовых, выросших в России. Оттого из казахского в нём остались лишь налет воспитания, внешность и толпа дальних родственников.

— О-о-о! — радостно протянул он. — Кого я вижу! Иван, привет. Ты за мясом?

— Аслан, привет, — крепко пожал протянутую руку Иванов. — Не сегодня. У меня холодильник всё ещё забит мясом и бастурмой. Я по другому вопросу.

— Уже интересно, — лицо Аслана отобразило живой интерес и любопытство. — Внимательно слушаю.

— Сегодня увидел по телевизору твою сестру...

— Ох... — прикрыл ладонью глаза Аслан. — Позор... Никто от неё такого не ожидал. А ведь Сауле работала доктором — уважаемая профессия. А тут внезапно уехала в Москву и стала шутки шутить. Родители в шоке. Они не знают, как ей сказать, что приличной девушке не пристало чем-то таким заниматься.

— Кстати, шутит она нормально. Это ты зря.

— Правда? — удивлённо приподнял брови Уступов. — Хоть это радует. Так что ты хотел обсудить?

— Понимаешь, Аслан, я со школьной скамьи влюблен в Сауле. Но она исчезла с горизонта, и я старался гнать мысли о ней. Долгие годы довольно успешно получалось с этим справляться... До сегодняшнего дня, пока не увидел твою сестру по телевизору. Я понял, что так больше не может продолжаться. Хочу видеть её не на экране, а дома своей супругой.

— Воу! — широко расплзлись губы Аслана. — Брат, да я сам рад буду видеть тебя своим родственником. Ты не представляешь, как обрадуются родители! Они уже отчаялись побывать на свадьбе дочери. Думали, что никогда от неё внуков не увидят, а приданное сгниет к чертовой бабушке. Хочешь посвататься?

— Я бы хотел, но вы же не из казахского аула, а высокопочтенные жители Челябинской области.

— Тут ты прав, — задумчиво провел ладонью по гладкому подбородку Уступов. — Совсем

обрусели мы, даже казахского языка не знаем. Если бы в Казахстане жили, то Сауле пикнуть бы не посмела, как замуж выскочила бы. А тут родители нам дали полную свободу реализации.

— Аслан, мне нужна твоя помощь.

— Чем могу, брат...

— Хочу поехать в Москву и попытаться склонить Сауле к женитьбе классическими методами. Поможешь?

— Спрашиваешь! — радостно выдал Уступов. — Конечно, всем, чем могу, помогу. Что конкретно от меня нужно?

— Для начала адрес и телефон твоей сестры.

Спустя двое суток белая Тойота Марк 2 припарковалась в московском дворе неподалеку от станции метро Водный стадион. С правой стороны расположился двор школы со спортплощадкой. Слева стояла бежевая пятиэтажка, знававшая лучшие времена.

Иванов сильно волновался. Зная номер подъезда, этаж и квартиру проживания Сауле, он боялся прийти к ней домой.

Вот как можно приличному человеку завалиться в гости без предупреждения? Допустим, придёт он, позвонит в звонок, Сауле откроет дверь, а он такой: «Здрасти, я с тобой в одной деревне жил и в одной школе учился. Вот, принимай гостя».

Это в прошлой жизни они жили вместе, а сейчас, по сути, малознакомые люди. Даже при том, что Ване многое известно о его супруге, она-то его помнит исключительно в качестве одноклассника.

И всё же формальный повод для визита имелся. Ваня заранее позаботился об этом вместе с Асланом, который страстно желал сестре счастливой семейной жизни. А счастье обрусевший казах видел в обеспеченном муже для сестры. На все Барсуки таких мужчин можно пересчитать по пальцам одной руки, но холостой и самый обеспеченный из них один лишь Иванов.

Дрогнувшей рукой достав сотовый телефон, Ваня нашел номер телефона Уступовой и замер, глядя на экран. Он никак не мог решиться на звонок. Через десять секунд экран погас, а он всё так и сидел с зажатой в потной ладони трубкой.

Набрав полную грудь воздуха, словно перед прыжком в прорубь, он вновь разблокировал телефон и нажал на кнопку вызова.

Длинные гудки пришлось слушать долго, но в итоге приятный и до боли знакомый женский

голос ответил:

— Алло, я слушаю.

— Сауле, доброе утро. Это Иван Иванов из Барсуков.

— Эм... — растерянно протянула она. — Иван? Одноклассник, что ли?

— Рад, что ты узнала. Я по делам в столицу приехал. Меня Аслан попросил для тебя гостинцев из дома передать. Я сейчас стою у подъезда твоего дома на Водном стадионе. Ты дома?

— Да, пока я дома, — собранным голосом ответила она. — Поднимайся на третий этаж. Квартира шестьдесят девять. Код домофона ноль-три-два-семь.

— Скоро буду.

Поднявшись по лестнице на площадку третьего этажа, он обнаружил, что дверь в шестьдесят девятую квартиру приоткрыта. На пороге стояла она — молодая и очаровательная, но немного хмурая Сауле. Она была одета по-домашнему в чёрные бриджи и тёмно-синий топик. На ногах красовались пушистые коричневые тапки в виде плюшевых медвежат.

— Доброе утро, Сауле. Прекрасно выглядишь. Это тебе.

Девушка, изумлённо приподняв брови, приняла из рук одноклассника роскошный букет пионов.

— Пионы? — удивлённо прокомментировала она. — Мои любимые цветы... Как ты узнал?

— Угадал, — лукаво блеснул глазами Иванов.

Сложно не угадать любимые цветы девушки, с которой прожил бок о бок тридцать лет.

Уступова продолжала стоять на пороге, перегородив дверной проём.

— К-хм... Так что просил передать брат?

— Вот, — вручил ей пакет Иван. — Там мясная продукция из хозяйства Аслана. А это от меня, — протянул он тортик.

Девушке пришлось зайти в прихожую и положить на тумбочку букет и пакет с вкусняшками от брата. Затем она вернулась к гостю и взяла тортик, после чего сказала:

— Спасибо, до свидания.

Иван изрядно удивился. Не такой встречи он ожидал. Как минимум это неприлично и не по-русски, и даже не по-казахски. Издалека приезжает знакомый с презентами, а его культурно посылают нахрен.

— Что, даже чаю не предложишь? Всё же я всю ночь ехал из Челябинска.

Живая мимика дала гостю понять, что ему не рады. Сауле настолько откровенно выразила досаду, плотно сжав губы, опустив их уголки и сведя вместе брови, что Иванову стало неуютно. В иной ситуации он бы обиделся, развернулся и больше с таким неблагодарным человеком никогда не общался. Но не сделал этого, поскольку шёл к своей супруге, нацеленный на повторное знакомство с желанием вновь создать семейную ячейку.

Секунды три продержалась досада на лице Уступовой, после чего морщинки разгладились, и она нехотя произнесла:

— Ну, проходи. Но только на чай! А то знаю я таких... Сначала дайте чаю попить, потом переночевать негде.

Слова Сауле резали душу похлеще катаны. Они ввинчивались в уши Ивана подобно здоровенным саморезам. Он был шокирован, не ожидая настолько резко неприязненного отношения, словно к бомжу, ковыряющемуся в помойном баке.

— Йогурт мне в душу да ради смазки, — пряча обиду за шутливым тоном, продолжил он. — Сауле, кто тебя покусал? Я помню тебя доброй и отзывчивой девушкой. Или это Москва так влияет на людей?

За спиной Уступовой показалась любопытная симпатичная мордашка блондинки в шортиках и футболке. За ней в коридор выглянула брюнетка в спортивных штанах и широкой клетчатой рубашке. Они с любопытством грели уши, поглядывая на соседку по квартире.

— Зато я в Москве живу, а не в Зажопинске! — вспльчиво высказалась Уступова. — Так ты чай будешь?

Ване хотелось вежливо отказаться от чая. Ещё больше хотелось покрыть высокопочтенную «супругу» матом и указать на недопустимость такой манеры беседы. Но он, вежливо улыбаясь, сказал другое:

— Спасибо, высокопочтенная, не откажусь. Ещё, если будет дозволено, я воспользуюсь уборной. На ночёвку, так и быть, не напрашиваюсь. А то мы, барсуковские, в своём Зажопинске брезгуем стеснять бедных дам, которым приходится ютиться друг у друга на головах.

Сауле сложила губы куриной гузкой и демонстративно скрестила руки на груди, всем своим видом показывая, что гостю тут не рады. Но в туалет Ване сходить разрешила и молча

включила чайник.

Когда он из санузла вышел на кухню, там стояла гнетущая тишина. Соседки предпочли закрыться у себя в комнате, не мешая Уступовой принимать гостя.

— Сауле, серьезно, ты чего такая недовольная? Мы десять лет со школы не виделись. Я тебя вроде никогда не обижал, плохого ничего не говорил, даже, как волчок, за бочок не кусал.

— Да вы достали! — взорвалась она.

— Мы?! — изумленно приподнял брови Иванов. — Кто такие «мы»?

— ВЫ! Вы все! — с нажимом ответила она. — После того, как я стала известной, всякий шапочный знакомый норовит чего-то от меня получить!

— И что же я хочу получить от тебя, кроме обычного для нашего человека гостеприимства? — прорезалась ирония у Ивана.

— Не знаю, но вам всем что-то надо...

— Да уж, наверное, ты права.

— Так значит, я права? — хищно оскалилась и как-то недобро обрадовалась Уступова.

— Права, Сауле. Мне тоже от тебя кое-что было нужно...

— Вот! — радостно вздернула она вверх указательный палец правой руки. — Я же говорила! И что ты хочешь?

— Хотел... Я хотел пригласить тебя куда-нибудь, например, в итальянский ресторан. Вспомнить юность, поговорить по душам и просто пообщаться, как старым добрым знакомым.

— Что?! — опешила она.

Выдвинув табурет, девушка села на него и с недоумением уставилась на гостя.

— Видишь ли, Сауле, так сложилось, что когда-то ты мне нравилась. Долгие девять лет после возвращения из армии я жил с мыслью, что неплохо бы признаться тебе в своих тёплых чувствах. Но всё опасался сделать что-то не так, начать общение не с того.

Девушка слушала откровения Ивана с вежливым интересом. Он спокойно продолжал:

— Посмотрим правде в глаза: в детстве и в подростковом возрасте мы мало общались друг с другом. В моей голове сохранился совершенно иной образ Сауле Уступовой. Нежной, доброй и отзывчивой девушки. Веселой, немного саркастичной и ироничной, при этом гостеприимной и заботливой.

На самом деле он описывал свою супругу, какой её помнил, а не школьницу, с которой толком

не общался.

— Откровенно говоря, высокопочтенная, я увидел совершенно другого человека. Но смею надеяться, что ошибся. У всех случается плохое настроение. Если ты сейчас не желаешь меня видеть, мы могли бы увидеться позже, сходить в приятное место.

— Нет, спасибо, — отмерла Уступова. — Я поняла... Ты ко мне клеишься!

— Можно и так сказать. Разве ты против?

— Против! — резко заявила она. — У меня есть молодой человек. Он москвич. Я не хочу общаться с каким-то там деревенским парнем! Понятно?

У Ивана слова девушки отзывались кровавыми ранами на душе. Она даже не представляла, насколько сильно его убивает. В уголках глаз защипало, но он сдержал слёзы, потому что мужчины не плачут. Так учил его приёмный отец, ставший ближе родного, о котором он ничего не слышал. Он учил быть мужчиной, а не тряпкой.

С каждым мгновением пребывания в обществе этой Сауле, она ему всё меньше нравилась. Это была не та милая и добрая девушка, нежная и заботливая жена. Перед ним сидела высокомерная и меркантильная стерва.

Он не понимал, как так могло получиться? Ведь всего три с половиной года разделяло их знакомство в этой и другой жизни. Разве способен человек, попав в иные условия, за столь короткий срок так кардинально измениться? Или это таким образом на людей влияет окружение и слава?

— Прости, что?! — нашёл в себе силы прямо посмотреть на девушку Ваня.

— Я говорю, что у меня есть парень! Я не собираюсь встречаться с каким-то барсуковским зачуханом. Так понятней?

— Это я зачухан?! — опешил Иван.

Он придирчиво изучил свою внешность. Одежда новая и чистая, не мятая, пусть и не нарядная. Но не во фраке же ему стоило приходить? Как минимум это не привычная для него повседневная роба, которая вся в масле и пятнах смазки. Очень даже приличные синие джинсы от Левайс, глаженная голубая рубашка и дорогой тёмно-синий свитер двойной вязки из бутика от бренда, который предпочитает не выставлять напоказ огромный шильдик, а ставит в нижнем левом углу небольшой и неприметный значок. Проведя рукой по подбородку, он не обнаружил щетины. Голова чистая, волосы причесаны.

Он не мог понять, что не так? Упакован на тысячу долларов и не воняет. Ведь на самом деле он не ехал всю ночь, а прибыл в столицу поздно вечером. Ночь же он провел в гостинице и перед поездкой сюда привёл себя в полный порядок: помылся, побрился, почистил зубы и надел новые шмотки.

— Да! — запальчиво продолжила Уступова, тем самым добив Ивана.

Он медленно отставил в сторону бокал и начал подниматься из-за стола.

— Спасибо этому дому за хлеб-соль, — сдерживая клокочущую в груди ярость и жуткую обиду, вежливо кивнул он. — Как бы солоно тут ни встречали, — всё же прорезался у него сарказм, — пора и честь знать. Мир этому дому. Счастья хозяевам. Был рад увидеться, высокопочтенная, но мне пора вернуться в свой хлев на пятьдесят соток земли, с десятком квартир в Челябинске и зачуханскими акциями Майкрософт, чтобы продолжить влачить жалкую жизнь рантье...

Резкими размашистыми шагами он направился прочь с кухни. Обуваясь под ироничным взглядом Уступовой, он с горькой иронией, которую скрывал под резким сарказмом, продолжил:

— Вы в Москве совсем зажрались, если наряд за штуку баксов считаете зачуханским, йогуртом вам по губам, высокопочтенная! Честь имею!

Он быстро покинул квартиру под любопытными взорами соседок, которые не сдержали интереса и выглянули в коридор. Уступова провожала его недоуменным взглядом.

Блондинка выдала брюнетке своё экспертное мнение:

— Совсем Сауле зажралась! Мужик в левайсах, в туфлях от Балдини и в свитере от Хуго Босс подарил ей букет цветов на треть моей зарплаты... Если он для неё зачухан, то кто для неё нормальный?

— Не, а чё, нормально! — сыронизировала брюнетка. — Снимать комнату за десять штук, а от нормального мужика нос воротить... Хоть бы нас с ним познакомила. Я от такого парня не отказалась бы. Пусть в Челябе, но чуваки с десятью хатами и акциями Майкрософт на дороге не валяются... Эй, Сауле, дай номер этого парня!

У Сауле от пересуд соседок заалели уши. Она резко ответила им:

— Идите в жо...

На ходу запахивая куртку, Иван порывистыми шагами спускался с лестницы, переступая через одну ступеньку. На душе скребли кошки. Ему было мучительно больно и стыдно за несдержанность. Казалось, что одновременно мир рухнул в пропасть. Второй раз за новую жизнь Ивану хотелось напиться и забыться.

Но он был рад, что не сказал всего, что думает. Например, его подмывало поделиться с Сауле

самым сокровенным, рассказать ей о том, что он словно в фильме «Квантовый скачок» оказался в прошлом. А в будущем, которое не наступило, они с Сауле были женаты и счастливы в браке. Что у них было много детей и внуков. Но не сказал, сдержался, чему неизмеримо радовался. Неприятный опыт с шалавой Барановой научил его ни с кем не делиться столь важной информацией.

Морозный воздух слегка отрезвил его. Ваня поспешил застегнуть куртку и надеть шапку. Февраль нынче выдался холодным, а порывистый ветер добавлял неприятных ощущений.

Словно подыгрывая его настроению, небо заволочло свинцовыми тучами. С него вот-вот готов был сорваться снег.

При взгляде на тяжёлые небеса, низко нависшие над головой, желание выпить и забыться усилилось.

Несмотря на непогоду и холод, на лавочке у подъезда сидела старушка. Почему она не боялась застудиться, известно ей одной. Но для Вани она стала путеводной звездой к месту продажи алкоголя.

— Глубокоуважаемая, я дико извиняюсь, но меня впервые занесло в эту часть Москвы. Будете ли вы столь любезны подсказать, где можно найти ближайший продуктовый магазин?

Старушка оживилась и уделила Иванову толику интереса.

— Вам следует пройти дальше по дороге через двор. За мусорными баками, которые стоят напротив часовни, повернёте направо и пройдёте прямо. Вон в той девятиэтажке, — показала она пальцем на северо-запад, — есть магазин.

— Выражаю вам почтение, глубокоуважаемая. Вы меня весьма выручили. Успехов и здоровья вам. Берегите себя и своих близких.

— Не за что, — расплылась радостная улыбка на лице старушки. — Вы из Ленинграда, что ли? Уж больно вежливый молодой человек.

— Нет, высокопочтенная. Из Челябинска. Вежливость определяется не местом жительства, а воспитанием и отношением к окружающим. Ещё раз спасибо.

Ваня сел в машину и проехал по дворам по указанному маршруту. Он собирался купить алкоголя, снять гостиницу и выпить до поросычьего визга. Один, чтобы никому не сболтнуть лишнего и не наделать глупостей, которые легко совершить в его нестабильном эмоциональном состоянии.

С торца девятиэтажного дома приютился небольшой магазинчик, о чём уведомляла вывеска над входной дверью. Припарковавшись, Ваня зашёл внутрь.

Магазин не впечатлял своими размерами. Вероятнее всего, он был переделан из однокомнатной квартиры. Единственная комната превратилась в торговое помещение. Кухня наверняка используется в качестве склада. Большая часть пространства занята полками и прилавками. Для посетителей оставался небольшой пятачок, на котором могли встать три-четыре человека.

За прилавком стояла молодая девушка с грустным лицом. Каштановые волосы спускались ниже плеч. Округлое лицо без капли косметики было симпатичным и настоящим, не те, что видишь вокруг, скрытые под килограммами макияжа. Там, где надо, округлости фигуры радовали глаз. И хоть нельзя было сказать, что у неё осиная талия, но и полной девушку язык не повернётся назвать. Единственной сильно бросающейся в глаза деталью были огромные круглые бабушкины очки в роговой оправе с нереально толстыми диоптриями.

— Высокопочтенная, — вежливо обратился к ней Иванов. — Будьте любезны мне хорошей водочки, качественной копчёной колбасы, резаный батон, пакет апельсинового сока и банку солёных огурцов.

Продавщица медленно собирала заказ. Иванов отметил, что она очень сильно щурится, пытаясь разглядеть этикетки с ценниками и названиями. Чересчур сильно для владелицы столь мощных диоптрий, о чём вечный очкарик мог судить по своему опыту.

Других посетителей всё равно не было, как и иных посторонних людей, времени вагон и маленькая тележка. Он не замедлил поинтересоваться:

— Высокопочтенная, прошу извинить, если это не моё дело, но я заметил, что очки вам не подходят. И это при диоптриях в три раза жирнее моих. Полагаю, вам следует обратиться к доктору.

— Я уже... — грустно вздохнула продавщица, отчего её роскошная грудь приподнялась, вздымая свитер подобно ледоколу, разрезающему лёд.

— Уже? Разве вам не выписали другие очки?

— Это уже бесполезно, — было видно, что у девушки накипело и она готова поделиться своими проблемами с первым встречным. — Мне сказали, что я теряю зрение. Если в скором времени не сделать операцию, то я полностью ослепну.

— Простите, но почему вы тянете? Со зрением шутки плохи.

— Потому что, — с ненаигранным надрывом продолжила она, — в обычных больницах меня, мягко говоря, послали куда подальше. Лечение предложили только в частной глазной клинике. Нужна операция, а за неё запросили аж восемьдесят тысяч рублей!

— Вот тебе и бесплатная медицина... Неужели у вас не нашлось знакомых, способных дать в долг?

— Да как-то все друзья внезапно превратились в знакомых, стоило попросить у них денег займы, — с грустным видом развела руками она. — Родители собрали, что могли, но это капля в море. Мне не хватает пятидесяти тысяч. Пришлось ехать на заработки в Москву. Я

посчитала, что если буду сильно экономить, то смогу откладывать по пятнадцать тысяч в месяц. Надеюсь, что успею накопить нужную сумму раньше, чем ослепну.

В тоне, которым это было сказано, слышались затаенное отчаяние и пустая надежда.

Внезапно Ване его проблемы показались надуманными и не стоящими выеденного яйца.

Обида на девушку, которая знать его не знает? Сауле в этой жизни ему никто. Плевать он на неё хотел. Девять лет не видел и всю жизнь готов не видеть. Это не его супруга, а незнакомка, которая по насмешке мироздания имеет ту же внешность и имя.

У людей есть проблемы похуже, чем душевные терзания барсуковского перекупа. Молодая красивая девушка может на всю жизнь остаться слепой. А ей всего-то и нужно, что немного денег. Вот где трагедия, а не это всё непотребство с чувствами.

Ване стало настолько сильно жалко девушку, что он подумал: «Тварь я дрожащая али право имею?»

— Высокопочтенная, могу я поинтересоваться вашим именем?

— Меня Наташа зовут.

Глядя на милые ямочки на щеках и слыша стеснительный тон, с которым выдала своё имя девушка, Иванов умилился.

— Красивое имя. Позвольте отрекомендоваться. Иванов Иван Иванович. И это не шутка. А если и шутка, то не моя.

Наташа мило улыбнулась. Ваня тем временем продолжил:

— Наташа, откуда вы?

— Из станицы Кременской. Это в Волгоградской области.

— То-то я смотрю, акцент знакомый! Я служил в Волгограде и некоторое время там жил. Хороший город, но очень жаркий. Летом такое чувство, будто сам чёрт жарит тебя в духовке. Я-то сам из села Барсуки в Челябинской области. У нас такое жаркое лето нонсенс. Если выпадет пара дней, то это скорее исключение из правил.

— Так ты тоже из деревенских? — обрадовалась Наташа. — Также на заработки приехал?

— Нет. Я в Москве проездом. Односельчанин попросил передать родственнице гостинцы. Вот только меня встретили в штыки, даже чаю не предложили. Вряд ли я впредь возьмусь выполнять такие просьбы. Даже спасибо никто не сказал, зато помоями облили так, что на душе муторно. Впрочем, чего это я жалуюсь? Наташа, вы не против, если мы перейдём на ты?

— Нет. Мне так даже привычней. А то чувствую себя какой-то старухой. И что, ты проехал кучу километров, передал посылку, а тебя даже не поблагодарили?

— Представь себе. Я в шоке. И ведь с этим человеком мы в одном классе учились. А мне с порога йогуртом по губам провели. Но не будем об этом. Наташа, прошу выслушать моё предложение с полной серьёзностью. Бросайте работу, собирайте вещи и поехали со мной в Челябинск. Я оплачу вам операцию.

— Что?! — застыла она в ступоре.

— Нехорошо, когда проблема легко решается, а человек может стать инвалидом. Я помогу вам с лечением.

— Но... — в уголках глаз Наташи начала набухать влага. — Зачем вам... тебе это? Мы же даже не знакомы.

— Уже знакомы. Наташа, не пойми меня превратно. Мне от тебя ничего не нужно, что бы ты себе ни придумала. Просто в определенный момент человеку приходит понимание, что внутреннее душевное спокойствие дорого стоит. Считайте, что это донат от незнакомца.

— Донат? — в вопросительной интонации протянула она, словно не поняла значения слова.

— Пожертвование, добровольный взнос, помощь от чистого сердца. Называйте, как удобнее.

— Я всё же не понимаю, зачем кому-то нужно помогать совершенно незнакомой девушке?

— Наташенька, при всём моём почтении, это легко понять. Я просто могу и хочу тебе помочь. Хочу и могу! Если этого недостаточно, то представь: пройдут годы, а я буду вспоминать о девушке, которой мог помочь, но прошёл мимо, как и многие до меня. И меня будет мучать совесть. А так я совершу хороший поступок и потешу чувство собственного величия. В моей душе наступят мир и гармония. А это очень полезно для сохранения психического здоровья. В общем, дерзай. Клянусь, я тебя не обижу!

— Но почему Челябинск?

— А куда мне тебя везти? В Волгоград? В Челябинске у меня сбережения, знакомства и дом неподалеку. Хорошая частная глазная клиника и там найдется. А в Волгограде и в Москве, увы, я ничем не могу помочь.

— Но где я там буду жить?

И хоть Наташа задавалась вопросами, по ней было заметно, что девушка согласна на всё. Она почувствовала вкус надежды. Настоящей надежды, а не того самовнушения, которым пыталась себя утешить. Если ради этого придется согреть постель незнакомому мужчине...

Наташу легко понять. Любой человек, оказавшийся в ситуации, когда на кону стоит одна из важнейших частей организма, будет готов на всё, чтобы её сохранить. Мысленно она уже согласилась и смирилась с тем фактом, что ради здоровья нужно будет постараться.

В то же время Ваня ни о чём таком не помышлял. Он действительно думал то, о чём говорил.

— Я согласна! — выдохнула Наташа.

Почему-то Ване показалось, что это прозвучало весьма двусмысленно. Словно девушка соглашалась чуть ли не на заключение брачного договора. Он успокоил себя мыслями, что показалось.

Водку и огурцы он покупать не стал. Вместо них взял в дорогу бутылку воды и сыр.

На душе стало тепло от мысли, что он, несмотря на то что не белый и пушистый, всё же остался хорошим человеком. А Сауле пусть проведёт йогуртом по губам!

<http://tl.rulate.ru/book/53877/1381648>